

А. Гасанов

Yellow box

*Сборник
рассказов №20*

А. Гасанов
Yellow box. Сборник
рассказов № 20

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051616
ISBN 9785448517785

Аннотация

Очередной сборник небольших рассказов и невыдуманных историй про жизнь, за жизнь и о жизни. Неплохое чтение в дорогу. Спасибо!

Содержание

Паша-рыбак	5
Яблоки	13
Кто убил кошку мадам Полосухер?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Yellow box
Сборник рассказов № 20

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1778-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Паша-рыбак

... – Обделался с лёгким испугом, – не раз потом вспоминал тот случай местный шутник Василич, – так это и называется, по-моему...

...Паша Ковалёв был знатный рыбак. Нет, он был не из тех гавриков с закидушкой*, типа меня. Паша мужик солидный. Спиннингов у Паши пять штук, один лучше другого, с японскими катушками, и костюм водолазный у Паши, и ружей подводных несколько, и пневматика, и с резинкой. Паша если идёт на рыбалку, то едет за город на неделю, с палаткой и мангалом, рыбу привозит – пальчики оближешь. Бывало и осетра припрёт в полтора метра, и кефаль у Паши отборная – не меньше полторашки*, мельче не берёт. И раков Паша припрёт, шо семечек – пять мешков. Мы с пацанами этих раков потом до поносу... Соседи на Пашу не налюбуются. Паша с рыбалки приехал, весь подъезд рыбой обожрётся. Щедрый мужик, и весёлый.

А трудился Паша по вахтам. На Тенгизе* шоферил, денег кучу заколачивал. Завидный жених. Тридцать лет хлопцу, здоровенный, крепкий мужик. И во дворе Пашу уважали. Много не базарит, всё по делу разве. Если Паша сказал, значит не просто сказал, а рот попридержи лучше, и не вякай. Паша бутылку водки выпивает для разогреву только. Кулаки, как чайники. Мухи Паша не обидит, да оно и не к чему. Па-

ша посмотрит только по-доброму, а уже все и примолкнут. Ещё-бы! Вот так вот по доброму на вас кто-нибудь смотрел? Который выше вас на две головы. И тяжелее кило на пийсят. Смотрел? Паше и ругаться не надо. Ухмыльнётся только, и всё. Тыр-пыр, восемь дыр.

...А потом Паша пропал на несколько месяцев, и привезли его ближе к осени. На носилках. Паша где-то в степи, на буровой установке, помогал кому-то из шоферов ковыряться под трактором. Грязюка жирная в полметра, дождик, а Паша с друганом трактор заглохший чинят, лежат под ним, и трактор какого-то чёрта поехал, и переехал гусеницей Пашу поперёк, вдавливая Пашу в грязь, и раздробил Паше кости таза в щепку... Только грязь и спасла-то.

...Привезли Пашу из госпиталя. Весь в гипсе Паша, словно кокон залеплен, из гипса трубочки торчат. И ходит к Паше медсестра, уколы делает, и пролежни растирает камфоркой. Огромный Паша лежит который месяц уже на диване своём, телевизор смотрит. Дверь у него в квартире не закрывается круглые сутки. Соседи навевываются. Кто супу припрёт кастрюльку, кто из мужиков бутылочку. И очень скоро стали к Паше ходить всяко-разно... Отребье какое-то. Паше пенсию назначили по инвалидности хорошую, а живёт один. Деньги есть, а главное – Пашу медсестра колет морфием. Боли у Паши невероятные, говорили. И Паша наш теперь законный морфинист. Кто-то натрепал, как видел, что Паша регулярно «шмыгает» себе в вену укольчик, а потом успо-

каивается, и даже весёлый становится, и потянулся к Паше наркоманский люд. Люди они приветливые, и кушать готовят, и подушку поправят, если надо, и за «кое-чем» сбегают, а потом посидят коллективом по-тихому, Гребенщикова послушают негромко. Притон у Паши образовался, короче. А наркоши бывают разные. Есть порядочные скромные люди. Ширяется вон гляди себе по-тихоньку, и живёт спокойно. А есть дурачье. То по-передозу* набуровит, обрыгается где-нибудь в подъезде, и валяется, пока менты не заберут. То, опять же, и сам в историю вляпается, и других за собой потащит, в ментовке всех дружков с потрохами сдаст. Самый паскудный народ наркоманский. Все как один мразь на мрази.

И потянулся из Пашиной квартиры нехороший запах и слух. Соседи обходят его квартиру стороной. Разве самые смелые бывало зайдут на недельке, дверь-то на распашку! А в квартире срочь невероятный, вонь. Тряпье на полу, хмырь какой-то в углу бредит. И Паша на скисшем диване. Грязный, потный, зубами резинку тянет, в вену попасть старается грязным шприцем.

...Участковый зачастил к Паше.

... – Ковалёв! Я в последний раз вас предупреждаю. Какого чёрта вы тут устроили?.. Кто кричал у вас тут ночь вчера?..

А неходячий Паша, цветом уже как холодец, по привычке балагурит:

– Николай Михалыч! Всё нормально!..

– Какой «нормально»?.. Какой?!.. Ты ж хороший мужик, Ковалёв!.. На кой ты эту шушару к себе подтягиваешь?..

А Паша лежит на своём диване, и рядом с Пашей все его удобства. Наркоши его обустроили заботливо. Всё у Паши рядышком. И «утка» под боком, и пульт от телека. На тумбочке пепельницу уже не видно под горой окурков. В тарелке плесень и волосы. А главное – Паше каждый месяц носят пенсию, и у Паши под подушкой всегда несколько тысяч. Все знают, зайди только к Паше:

– Паш, чё принести?

– Вот, возьми яиц, хлеба и курева..., – протягивает несколько купюр, – и Вовчику скажи... Пусть зайдёт...

И вечером уже у Паши весь бомонд. Вовчик-барыга принесёт, а за Вовчиком ещё двое-трое на огонёк подтянутся. Паша щедрый. Ни кого не обидит.

Один раз Пашу пытались убить, как я понял. Ночью его спящего накрыли подушкой, и держали кто-то двое. У Паши ноги неходячие торчат, как жерди тощие. А руки-то у Паши остались сильные. И Паша в темноте отбивался целый час, и отбился. Но деньги пропали, и Паша до пенсии спасался водкой и голодал.

...Участковый брезгливо прижимает платок носовой, закрывая сразу и рот и нос:

– Ковалёв... Задолбал ты меня... Её-богу! Ещё один сигнал на твою квартиру, и буду оформлять тебя в дом престарелых...

– Да нормально!.. Николай Михалыч!..

...А потом в доме кого-то искали оперативники. Паша был уже совсем плохой. По причине слабости он уже совсем не контролировал свои деньги, и когда приносили ему пенсию, возле Паши уже дежурили пять-шесть барбосов, и бежали к Паше наперегонки, и приносили ему чего-надо, только от пенсии уже ничегошеньки не оставалось в этот же день...

...Искали менты кого-то из наркоманов. Чё-то натворил барбос такое, что опросить Пашу приехала целая группа из управления ОБН*. Участковый замер, словно швейцар у дверей, и в комнату вошли четверо, одетые, словно дипломаты.

... – Квартира стоит на учёте..., – торопливо оправдывался участковый, с готовностью роясь в папке, – Регулярно посещаю... Притон... Ковалёв Павел Романович... Шийсять первого года... Не судим...

«Дипломаты» развязно прохаживались, с отвращением поглядывая по сторонам. Среди них выделялся по-видимому главный. Трое скакали перед ним на цырлах, и выслуживались. Один сунул Пашин паспорт, другой принёс с кухни целый поднос шприцов с кровавыми тряпочками. Третий шумно припинал с коридора стерилизатор с иглками.

... – Ну, чё... Ковалёв..., – главный, придирчиво осмотревшись, сел в старое массивное кресло напротив Паши, положил руки на подлокотники, – рассказывай... Кто у тебя

тут... пасётся...

Уже совсем прозрачный Паша мелко трясётся, обливаясь потом, и смотрит спокойно:

– Чё рассказывать-то?.. Вы кто вообще?..

Главный цыкнул зубом:

– Кто-«кто»?.. Конь в пальто... Рассказывай, кто у тебя был в среду?.. Ближе к ночи.

А Паша, с трудом удерживая голову, зыркает безумными глазами, сглатывая и облизываясь:

– Да много кто... заходит... Кто вам нужен-то?..

И тут к Паше подскакивает один из дипломатов, холёный розовощёкий крепыш в норковой шапке:

– Ты как базаришь вообще?.. А?.. Чучело!.. Ты как базаришь?.., – привычно встряхнув Пашу за плечо, стараясь не пачкаться, он несильно шлёпает больного по щеке, – Ты нормально базарь, понял?.. Ты понял меня?.., – ещё раз стукнув, он оглядывается на главного, и главный ему кивает, мол, подожди-ко..., – Нормально отвечай, пока тебя по-нормальному спрашивают! Ты понял меня?..

Сделав дело, дипломат садится во второе кресло, представив аудиторию своему шефу:

– Чё думаешь?, – спрашивает насмешливо и тихо, достаёт из папки лист, готовясь писать.

Паша хмуро молчит, и его спрашивают чуть строже:

– Чё затух, чмо? О чём думаешь?..

И тут Паша достаёт из-за спины в куче кислого тряпья

подводное своё ружьё, с заряженным дротиком, и с натянутой до предела пружиной, и спокойно нацеливает его дипломату в живот! В звякнувшей тишине он бурчит спокойно:

– Да вот думаю... Сейчас я вот курок спущу, и интересно: ты вместе с креслом встанешь?.. Или без него?..

...Потом я видел, как «дипломаты» выходили от Паши, а того опера, бледного и спотыкающегося, даже вели под локоть, и он шумно сглатывал, еле слышно подвывая и чуть не плача:

– Вот же сука какая... Вот же сука...

А Паша не стал стрелять. Дипломаты ушли, а участковый ещё полчаса тихо ругался, и Паша отдал ружьё.

... – Да понимаю я всё, Паш!..., – горячо бурчал участковый, – Понимаю!.. Только и ты головой тоже думай-то!.. На хрена ты так с ними?.. Сейчас взял бы и прикончил дурака... А тебе ещё жить и жить!.. А?..

– Да я понимаю, Михалыч... Но, блин... Чё он, как..., – Паша вздыхал виновато...

А потом я ушёл в армию, и вернулся уже в совсем в другой район города. Через много лет я случайно узнал, что у Паши был в квартире пожар, и он сгорел вместе со своим диваном.

*закидушка** – есть у нас на Каспии такой вид удочки. Кусок лески метров пять, с крючком и грузилом, намотанной на деревяшку. С такой «удочкой» удобно рыбачить с камня, или на водоканале. Закинешь, размахав над головой, и тара-

щишься на леску, надеясь поймать кефаль, а бычки тут как тут, только успевай вытаскивать.

*полторашка** – полтора килограмма.

*Тенгиз** – возле Каспия крупное нефте-газоразведывательное предприятие.

*передоз** – передозировка.

*ОБН** – отдел по борьбе с наркоманией.

Яблоки

...С Коляном нам повезло тогда. Денег хватило на то, что бы заплатить проводнику за сидячие места в конце плацкарта. И мы, два голодных балбеса вторые сутки тряслись в чудовищно дребезжащем поезде Москва-Шевченко, нервно следя за проходами в ожидании патруля. Снять с поезда зимой посреди степи чудиков без денег и документов – плёвое дело. Одуравая от выкуренного натошак за ночь, мы без интереса резались в «подкидного» и тихо ненавидели интенсивно хлопающую дверь в тамбур.

– О-ой, хорошо!... О-хо-хо-хо-хо!... – напротив нас проснулся плотный мужик, грозно храпевший всю ночь, сладко хрустя, потянулся. Растёр руками рожу и грузно спустился со второй полки. Мы посмотрели на своего «мучителя». Это он вчера под ночь шумно занял своё место, целый час распихивал баулы, кряхтя с мороза, а потом до полуночи весело ужинал в темноте, сводя нас с ума запахом курицы и хлеба с луком.

Дядька грохотал рукомойником и спокойно пел, смешно подвывая: «твары-ы добро-о по увсей зэмле, твары добро-о увсем во благо...»

...Ближе к обеду мы уже окончательно проснулись. Чтобы

сильно не мёрзли ноги, шастали то за кипятком, то в зловонный морозильник туалета. Поезд плавно повернул, и наша сторона стала солнечной. Подтаивая, иней на окне заиграл радугой и заплакал, тихо шмыгая носом. Холодно.

...Бритый и наодеколоненный дядька весело растёрся махровым полотенцем:

– А вы щёж, хлопцы? До дому, до хаты?

Колян откашлялся солидно:

– Да... С работы едем.

– А шо не обедаете?

– Да... Щас мы... В вагон-ресторан пойдём...

Дядька собрал свои пожитки, аккуратно сложил бельё, напевая под нос, в сотый раз глянул на часы:

– Полчасика ишо... Ага... (плюхнулся на сиденье, отдышался, глядя вдаль бегущих столбов и отхлёбывая дымящийся мятный чай) Вот так и мотаюся, и мотаюся... Угу...

Не сводя глаз с яблок на столе, Колян не выдерживает:

– Много работаете, дядя?

– Хватает работы, сынок. Хватает... И увсё сам, да сам... То туда бегу, то сюда, то то, то это. И всё надо, надо...

Дядька тяжело вздохнул и развернул карамельку:

– Вы берите яблочки, хлопцы. Берите. Они мытые. Берить-берить...

Колян откашлялся, солидно подошёл:

– Спасибо.

– И товаришшу возьми одно. Хоро-ошие яблочки... Ага.

...Никогда я таких яблок не ел. Кротово-красное с нежно-жёлтой прожилкой, внутри яблоко белое, как снег. Сладкий аромат с хрустом заполняет рот... Жить хочется!..

Тенью пролетел продавец газет. Положил на край сиденья пачку прессы. С обложки журнала на нас оскалилась полуголая тёлка. На ляжке ценник – 40 руб.

Дядька осмотрел её внимательно надев очки и вспомнил:
– Один раз, – оглянулся в проход, зашептал жарко, – один раз пацан заглядывает в купе: дядя, женщину хошь? Цыганёнок, лет пятнадцать! Я думаю, шо такое? Спрашиваю, по чём? Он говорит – а сколько дашь, десять рублей хватит. Ага!...

Дядька вытаращил глаза и заговорил ещё тише, прикрывая кулаком рот, прыская смехом и вздрагивая плечами:

– Ага. Я, значит, в купе один, а он приводит, значит, ко мне сестрёнку. Лет двенадцать, ей-богу! (привычно перекрестился) Я смотрю – так-кая чернявенькая вся, сисечки у ней – во! С яблочко, самый раз. Ага!.. Ну-у... Сполчасика я с ней покувыркался, шустрая такая... Ни чё... Потом, слышь, говорит: а деньги? Я говорю, какие деньги? Вон яблок, огурчиков возьми и иди. А-то милицию позову! Ха! Слышь... Ей-Богу!..

Дядька подавился смехом и вдруг почернел, посмотрев на Коляна,

который задрал брови на лоб, тупо сверлил его блед-

ным, немигающим взглядом. Зная, чем кончаются его такие взгляды, я поставил локоть на дядькин ножик на столе и тихо прорычал другу:

– А ну, закройся, сука.

Поезд сбросил скорость. Колян ушёл в тамбур, дядька облегчённо вскочил и побежал с мешками к выходу.

Никогда я таких яблок не ел.

Кто убил кошку мадам Полосухер?

... – Да пошёл ты знаешь куда?, – орал Евгений Романыч, улыбаясь так, словно сейчас целовать насильно будет, – Ты задолбал уже меня с этой темой! Понял? За-дол-бал., – налив в стопарик до краёв, он откидывается в кресло, – Рожу тебе набьют, и правильно это сделают! Понял?, – подняв указательный палец, словно в назидание, он выпил «залпом», крикнул, и добавил с удовольствием, – И правильно сделают это!.. Понял?

Раскрутил-таки, подлец, меня на очередные дебаты, выслушал внимательно, подначивая вопросами наводящими, а теперь смотрит влюблённо, глаз не оторвёт, а всё не сдаётся, и не соглашается. Нравится ему, гадюке, раздраковать меня на острую тему, и теперь аргументировать колко и упрямо, выставляя доводами лишь то, что я «змей эрудированный».

– Да кто кого задолбал, Романыч?, – я понимаю, что он развлекается со мною, аки кот с мышом, и ржёт во весь голос, а сам нет-нет, да и оглянется, будто боясь, что нас кто-то услышит, – Ты ж сам начал!

– Кто начал?

– Да ты и начал!..

– Я начал?

– Ты и начал!

– Ха-ха-ха-ха!... Ну ты змей!..

– Ну дык!.. Не хуже тебя!..

А дёрнул нас чёрт опять ковыряться в летописных сводах. Да-да, не смейтесь! Нет более достойного занятия для мужей учёных во хмелю, чем постичь глубину познания мудрости истории-матушки нашей. И Евгений Романыч коварно подливает мне, всё глубже втягивая меня в трясину истины, и до того, подлец, дошёл, что тут же параллельно в интернет ныряет, мне ссылки подкидывает между рюмками, и ухатывается, наблюдая моё изумление!.. И на кой ему только это надо? Развлекается, сволочь!.. И я тоскливо понимаю, куда он клонит, а клонит пьяный чёрт неуклонно к религиям, и уже к середине бутылки эта змеюка подкидывает, словно валета трефового, ни с того, ни с сего, мне разговор про княжну Ольгу!..

– Стоп!, – я даже обиделся, – Романыч, ну тебя к чёрту, ей-богу! Сколько можно уже из пустого в порожнее?.. Опять ты мне про птичек горящих?.. Сам задолбал уже, ей-богу! Больше поговорить не о чём?

Но эта падлюка коварен и силён! Тут же мне под нос экран тычет, бисова кукла! Читаю – «Подвиг равноапостольной блаженной святой Ольги»!.. Знает, шельма, чем меня подцепить. Слова сильные. Подвиг! Это ж... Серьёзное дело. Да ещё и «блаженная»!.. Мгновенно я рисую в голове фигуру молящейся девы, в трудах и лишениях принявшую смерть мучительную, и тут происходит необъяснимое! Евге-

ний Романыч включает телевизор, и на 28-м канале «Спас» рассказывает об Ольге! Архимандрит Нестор, едрит-раскудрит, рассказывает, как Ольга крестилась в Константинополе и стала Еленой...

– ... Подвиг святой благоверной равноапостольной княгини Ольги, покровительницы Руси...

Братцы, понимаю, верится с трудом, но даже я, змею-ка подколодная, имею совесть. И такими словами кидаться нельзя. Нет, я не про апостола, то есть не про того, кто несёт миру слова и заветы божьи (а тут, видимо, приравнено к этому званию, типа мл. апостол, или и. о. апостола), я про святость, про подвиг и благодать. Но, остановите меня немедленно, если я хоть чуточку перегибать начну! Я так Романычу и сказал. Говорю:

– Романыч! Змей ты ползучий! Вот смотри, по твоим же ссылкам и всё такое: За кой хрен князя Игоря грохнули древляне?

Ищем, читаем. Вариантов больше десятка, но все более-менее совпадают:

«... и собрал с древлян дань великую, а ещё хотел сбрати, и вдвойне сбирал.» И собрал, сука, между прочим! А когда домой поехали, Великий Князь Игорь своим хлопцам говорит, вы типа мужики домой дуйте, я тут ещё потусуюсь. И с малым отрядом обратно поворачивает! И опять собирать!.. И те же летописцы (кстати и архимандрит только что!) упомянули, что Игорёха на баб слабоват был, и нет-нет, да

и забалуется где, снасильничает, и девок молодых портит целыми деревнями, шо из пулемёту. А древляне видят – Игорёха обратно подваливает, и думают, ну, всё... Кабздец нам! И завязался бой, и уокошили Великого Князя вместе с дружиною. И послали к Княгине Ольге гонцов с печальной вестью. Так, мол, и так, Оля, (кстати, в челобитных и в летописях князя Игоря называют не иначе как «волк» и «вор») и поясняют древляне, что последнюю шкуру Игорь с нас содрал, дань взял двойную, а потом вернулся и по новой, и насилит всех подряд, ну, вот мы и того... И вместе с тем к Ольге направляется делегация из древлян, человек двадцать самых именитых, и Оле предлагается мир и любовь, и мужа Ольге сулят самого славного, и покорность, и дань по всем тарифам. И Оля говорит – приходите, гости дорогие! (Практически все рукописцы Святую Равноапостольскую Княжну описывают весьма умной и рассудительной). Ободрённые таким приглашением древляне подваливают к Киеву, а там их уже встречают. Ольга послала людей тьму, гостей уложили «во лады» (в лодки), и с почётом понесли на руках. И потом сбросили в заведомо приготовленную яму, и закопали их живьём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.